

СОМЕРСЕТ МОЭМ

*ДЕСЯТЬ ВЕЛИЧАЙШИХ РОМАНОВ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.09
ББК 83.3(0)
М87

Серия «Эксклюзивная классика»

W. Somerset Maugham

GREAT NOVELISTS AND THEIR NOVELS

Перевод с английского *В. Бернацкой*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

Печатается с разрешения наследников автора
при содействии литературных агентств
United Agents и The Van Lear Agency LLC.

Моэм, Сомерсет.

М87 Десять величайших романов человечества /
Сомерсет Моэм ; [перевод с английского В. Бер-
нацкой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. —
320 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-119358-4

«Десять величайших романов человечества» — это остро-
умные, оригинальные размышления о времени, жизни и ли-
тературе, нестандартные и яркие заметки о достоинствах и не-
достатках гениев.

Моэм не признает авторитетов в искусстве и по-своему
оценивает произведения Бальзака и Стендаля, Диккенса
и Бронте, Толстого и Достоевского. Его мнение зачастую рас-
ходится с общепринятым. Тем интереснее читать его эссе, тем
больше поразительных открытий они сулят.

УДК 821.09
ББК 83.3(0)

© The Royal Literary Fund
© Перевод. В. Бернацкая, 2018

ISBN 978-5-17-119358-4 © Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Говорит мистер Моэм:

«...читатель должен получать от романа удовольствие. В противном случае роман ничего не стоит. Поэтому можно сказать, что каждый читатель сам себе лучший критик: ведь он один знает, что ему доставляет удовольствие, а что — нет...

Попробую определить, какие качества присущи хорошему роману. Его тема должна быть интересна большинству читателей... Сюжет должен быть ясным и убедительным, иметь начало, середину и конец, который логически вытекал бы из начала. Отдельным эпизодам следует быть правдоподобными и не только развивать тему, но и вырастать из нее. Созданные писателем образы должны обладать индивидуальностью, а их действия определяться характерами... И самое лучшее — если эти характеры будут интересными».

Десять величайших романов человечества

Мне хочется рассказать читателю, как случилось, что я написал эти эссе. Однажды, когда я еще находился в Соединенных Штатах, редактор «Редбук» попросил меня составить список романов, которые, на мой взгляд, были лучшими из лучших. Я выполнил его просьбу и больше об этом не думал.

В кратком пояснении к списку я написал: «Мудрый читатель получит огромное удовольствие от чтения этих книг, если он обладает полезным навыком пропускать лишнее». Через какое-то время американский издатель предложил мне переиздать эти романы, выпустив из них «лишние» куски, и снабдить каждый роман предисловием. Предложение меня заинтересовало, и я засел за работу. Большинство этих предисловий напечатали, некоторые появились в сокращенном виде в «Атлантик мантли», и так как оказалось, что читателей они заинтересовали, было решено удобства ради издать их в одной книге.

Первоначальный список претерпел одно изменение. Заканчивался список романом Марселя Пруста «В поисках утраченного времени», но по

ряду причин в окончательный вариант он не вошел. Сожалений по этому поводу я не испытываю. Роман Пруста — величайший роман столетия — очень длинный, и даже при существенных сокращениях его невозможно привести к приемлемому объему.

Успех его был огромен, но пришел слишком быстро, и требуется время, чтобы потомки оценили роман по заслугам. Фанатичным поклонникам Пруста, к коим я причисляю и себя, интересно каждое его слово; однажды, прибегнув к гиперболе, я написал, что скорее предпочту заскучать над Прустом, чем стану приятно проводить время над книгой другого автора, однако теперь готов признать, что не все части романа равноценны. Мне представляется, что последующие поколения потеряют интерес к тем пространным описаниям, которые написаны Прустом под влиянием господствовавших в его время психологических и философских теорий. Некоторые из них уже признаны ошибочными. Думаю, тогда станет еще очевиднее, что он великий юморист и его талант создавать оригинальные, разнообразные и жизненные характеры ставят его на один уровень с Бальзаком, Диккенсом и Толстым. Конечно, могло случиться так, что в сокращенной версии романа опущенными оказались бы те места, которые со временем станут цениться меньше, а остались бы те, что являются сущностью произведения и представляют непреходящий интерес. «В поисках утраченного времени» по-прежнему был бы огромным романом, но и превосходным.

Окончательный список десяти лучших романов выглядит так:

«Том Джонс»,
«Гордость и предубеждение»,
«Красное и черное»,
«Отец Горио»,
«Дэвид Копперфилд»,
«Грозовой Перевал»,
«Госпожа Бовари»,
«Моби Дик»,
«Война и мир»,
«Братья Карамазовы».

Начнем с того, что признать существование десяти лучших романов человечества — явная нелепость. Нет десяти лучших романов. Не уверен, что можно говорить даже о сотне; если попросить пятьдесят человек, начитанных и культурных, выбрать сто лучших романов, то по меньшей мере двести или триста произведений будут упомянуты не один раз, и, думаю, что в этих пятидесяти списках, если их составят люди, говорящие на английском, найдут место и мои десять романов. Я делаю акцент на англоязычном читателе, потому что по крайней мере один из десяти романов — «Моби Дик» — мало известен образованной европейской публике, и у меня есть большие сомнения, что его знает в Германии, Испании или Франции кто-то, помимо студентов, изучающих английскую литературу. В восемнадцатом веке во Франции увлеченно читали английскую литературу, но с того времени

вплоть до сегодняшнего дня французы перестали проявлять интерес к чему-либо, написанному за пределом их границы, и потому во французский список ста лучших романов войдут произведения или неизвестные в англоязычных странах, или малочитаемые.

Большой разброс мнений можно легко объяснить. Существует множество причин, по которым определенный роман может понравиться даже искушенному читателю, и тот отыщет в нем выдающиеся достоинства. Ведь он мог прочесть роман в определенный период своей жизни или при особых обстоятельствах, когда сочинение легко могло его растрогать или тема и место действия привлечь в результате личных склонностей или ассоциаций. Я допускаю, что страстный любитель музыки назвал бы «Мориса Геста» Генри Гендела Ричардсона¹ одним из десяти лучших романов, а уроженец «Пяти городов», восхищенный точностью, с какой Арнольд Беннетт² описал дух места и его обитателей, включил бы в список «Повесть о старых женщинах». Оба романа хороши, но я не думаю, что читатель с непредвзятым мнением назвал бы их среди десяти лучших. К некоторым книгам читателя влечет его национальность, по этой же причине

¹ Генри Гендел Ричардсон (наст. имя Этель Ричардсон, 1870—1946) — австралийская писательница. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Арнольд Беннет (1867—1931) — английский писатель. Как романист наиболее полно раскрылся в цикле романов о промышленном районе — «Пять городов» («Анна из Пяти городов», 1902, «Повесть о старых женщинах», 1908).

он находит в них больше достоинств, чем остальная публика. В качестве примера скажу, что любой образованный француз, составляя подобный список, включил бы в него «Принцессу Клевскую» мадам де Лафайет, что было бы справедливо, ибо роман обладает выдающимися достоинствами. В литературе это первый психологический роман; сама история — трогательная и убедительная, характеры изображены тонко и изящно; роман написан с блеском и не затянут. Действие относится ко времени, хорошо известному каждому французскому школьнику — нравственное состояние общества знакомо ему по драмам Корнеля и Расина; ассоциации с наиболее великолепным периодом французской истории придают роману особый шарм, а сам он является весомым вкладом в этот золотой век французской литературы. Но английскому или американскому читателю герои могут показаться искусственными, их поведение — неестественным, а обостренное чувство чести, отношение к собственному достоинству — смешными. Я не говорю, что они правы, просто подобные читатели никогда не назвали бы этот роман в числе десяти лучших.

Но, как мне представляется, главной причиной такой разбросанности мнений по поводу достоинств разных романов является несовершенство самой романной формы. Не существует идеального романа. Во всех десяти, названных мною, есть к чему придраться, что я и собираюсь сделать в предисловиях к ним, потому что ничто не принесет больший вред читателю, чем неумерен-

ная хвала, часто сопровождающая книги, обычно причисляемые к классике. Читатель видит, что тот и тот эпизоды совершенно неправдоподобны, вот эти характеры фальшивы, а некоторые описания скучны. Если он отличается вспыльчивым нравом, то станет кричать, что критики, заверившие его, что он прочтет шедевр, — сборище идиотов; если он человек скромный, то станет винить себя, решив, что роман выше его понимания; а если он упрямый и настойчивый, то добросовестно продолжит чтение, но удовольствия не получит. Однако от чтения читатель должен получать удовольствие. В противном случае роман ничего не стоит. Поэтому можно сказать, что каждый читатель сам себе лучший критик: ведь он один знает, что ему доставляет удовольствие, а что — нет. Никто не заставляет читать беллетристику. Критик может оказать помощь, указав, что, по его мнению (и в этом его важная функция), относится к достоинствам романа, который признан великим, и в чем его недостатки. Но, повторяюсь, главное — предупредить читателя, что тому не следует искать в романе совершенства.

Перед тем как подробнее поговорить об этом, мне хочется сказать кое-что о читателях беллетристики. Романист имеет право требовать от них определенных вещей. Имеет право требовать определенного усердия, необходимого для прочтения книги в триста или четыреста страниц, и достаточного воображения, чтобы мысленно представить сцены, которыми писатель хочет их заинтересовать, и вдуматься в созданные образы.

И наконец, романист имеет право ждать от своих читателей способности к сочувствию, иначе они не смогут сопереживать любви, печали, горестям, опасностям и приключениям героев романа. Если читатель не может отдать частицу себя, он не получит от романа то лучшее, что тот способен дать.

Сейчас я попробую определить, какие качества, на мой взгляд, присущи хорошему роману. Его тема должна быть интересна большинству читателей — не только определенному слою, будь то критики, профессора, интеллектуалы, водители грузовиков или посудомойки, — она должна быть интересной самым разным мужчинам и женщинам. Для ясности приведу пример: можно написать роман о системе Монтессори¹, чрезвычайно интересный педагогам, но я никогда не поверю, что он поднимется выше посредственного произведения. В хорошем романе сюжет должен быть ясным и убедительным, иметь начало, середину и конец, который логически вытекал бы из начала. Отдельным эпизодам следует быть правдоподобными и не только развивать тему, но и вырастать из нее. Созданные писателем герои должны обладать индивидуальностью, а их действия определяться характерами, чтобы читатель никогда не мог сказать: такой-то и такая-то никогда не поступили бы так, а напротив, сказал бы: как раз этого я и ждал от героев. И самое лучшее — если характеры героев будут интересными.

¹ Система обучения и воспитания детей, разработанная педагогом и врачом Марией Монтессори (1870—1952), основана на идеях свободного воспитания.

Флобер написал роман под названием «Воспитание чувств» — его превозносят многие замечательные критики, — сознательно сделав главным персонажем человека такого незначительного, такого невыразительного, что невозможно сопереживать ни тому, что он делает, ни тому, что с ним происходит; в результате, несмотря на неоспоримые достоинства книги, ее трудно читать. Думаю, мне следует объяснить, почему я утверждаю, что герои должны обладать индивидуальностью; от писателя трудно ожидать, чтобы он создал совершенно новые характеры: человеческая природа — вот материал, с которым он работает, и хотя существует множество типов людей самого разного общественного положения, все же эти типы не бесконечны, да и романы, рассказы, пьесы, эпопеи пишутся не одну сотню лет, и шанс, что писатель создаст принципиально новый характер, ничтожный. Окидывая беглым взглядом прошлую литературу, я вижу только один абсолютно оригинальный образ — Дон Кихота, но нисколько не удивлюсь, если какой-нибудь ученый критик отыщет в глубине веков его прототип. Можно считать, что автору повезло, если он сумел пропустить характеры через свою индивидуальность, — конечно, если та необычна, — и придать им обманчивый облик оригинальности.

Характер должен определять не только поведение, но и речь героя. Светская женщина должна говорить как светская женщина, проститутка — как проститутка, продавец мороженого — как продавец мороженого, адвокат — как адвокат. Диалогу не

следует быть беспорядочным или выражать мысли самого автора; задача диалога — раскрыть характер говорящего и способствовать развитию действия. Описания должны быть живыми, относящимися к делу, и не длиннее, чем требуется для того, чтобы заинтересовать читателя, а ситуации, в которых действуют герои, — понятными и убедительными. Изложение — достаточно простым, чтобы роман мог с легкостью прочесть человек с рядовым образованием, а стиль — так подходить к содержанию, как хорошо сшитая туфелька — хорошенькой ножке. И конечно же, роман должен быть занимательным. Я заговорил об этом в конце, но это неперемнное качество, без которого все остальные теряют смысл. Никто, находясь в своем уме, не станет читать роман, чтобы чему-то научиться или получить назидание. Если читателю надо именно это, то он будет круглым дураком, если откроет роман, а не учебник или сборник проповедей.

Но даже если роман обладает всеми перечисленными качествами — а это весьма много, — в самой его форме, словно изъят в драгоценном камне, есть некий дефект, не позволяющий добиться совершенства. Жанр рассказа позволяет прочесть его — в зависимости от длины — за время от десяти минут до часа; в нем одна четкая тема — некое событие или несколько тесно связанных друг с другом событий, духовного или физического свойства, обретающих к финалу законченность. В идеале к рассказу нельзя ничего прибавить или от него убавить. Думаю, тут можно достичь совер-

шенства, и более того, не сомневаюсь, что не составит труда собрать приличное количество рассказов, где это достигнуто. Но роман может быть любой длины — таким огромным, как «Война и мир», где на протяжении определенного времени происходят разные события и действует множество героев, или таким коротким, как «Кармен». И вот, чтобы повествование было правдоподобным, а характеры героев не казались фальшивыми, автор должен включать в текст некоторые факты, имеющие отношение к основной истории, но неинтересные сами по себе. События часто нужно отделять одно от другого временным отрезком, и автору приходится для равновесия придумывать в меру сил куски текста, которые заполнили бы лакуны. Такие куски называются вставками. Некоторые писатели стремятся обойтись без них и перескакивают, так сказать, от одного яркого события к другому, не менее яркому, но мне не приходит в голову ни один пример, когда такое решение привело бы к успеху. Большинство предпочитает вставки, добиваясь большего или меньшего успеха, однако очевидно, что в целом читать их будет утомительно.

Писатель — человек, у него есть свои увлечения и фантазии, а свободная форма романа — особенно если он написан на английском или русском языках, — дает возможность поговорить о том, что близко его сердцу, и редко у кого хватает силы духа или критического чутья понять: то, что интересно ему, не обязательно вставлять в роман, если в этом нет необходимости. Почти невероятно, чтобы пи-

сатель при его повышенной чувствительности не был подвержен модным влияниям своего времени, и потому он часто пишет о том, что при изменении моды теряет привлекательность. Позвольте привести пример: до девятнадцатого века романисты отводили пейзажу мало места — несколько слов, и все, но с приходом романтизма стало модным вводить в текст пространные описания ландшафта. Герой не мог пойти и купить в аптеке зубную щетку без того, чтобы автор не сообщил, как выглядели дома, мимо которых он проходил, и что продавалось в магазинах. Рассвет и закат, звездная ночь, безоблачное небо, растущая и убывающая луна, беспокойное море, снежные вершины гор, мрачные леса — все давало повод для бесконечных описаний. Многие из них были очень красивы, но совершенно излишни, и писатели не скоро поняли, что самый поэтический, великолепно написанный пейзаж выглядит неуместно, если в нем нет необходимости — то есть если он не способствует раскрытию сюжета и не рассказывает читателю нечто важное о героях. В этом еще одно несовершенство романной формы, но и оно не последнее — есть еще недостаток, которого не избежать. Так как роман — жанр, предполагающий достаточную длину произведения, он соответственно требует и определенного времени на написание — нескольких недель по меньшей мере, обычно нескольких месяцев, а иногда и лет. Невозможно находиться так долго под чарами вдохновения. Не люблю употреблять последнее слово. По отношению к прозе оно